

УДК.101.1

ЛОГИКО-ПРОБЛЕМНЫЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ГУМАННОСТЬ», «ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ», «ГУМАНИЗМ»

© 2010 А.В. Петрихин

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 12 ноября 2009 года

Аннотация: В статье рассказывается о прессе стран бывшей Югославии в 2009 году, прошедшем под знаком мирового экономического кризиса, приводятся анализы причин и возможных последствий его для прессы бывших республик СФРЮ. В статье подведены итоги развития прессы на Балканах за последний год, а также выделяются тенденции развития периодики, входящей в новое десятилетие.

Ключевые слова: Мировой экономический кризис, медиарынок, Восточная Европа, страны бывшей Югославии, падение тиражей, жесткий менеджмент, западный капитал.

Abstract: The article is devoted to the press of the former Yugoslavia in 2009, developing in chancery of the global economic crisis. In the article the analysis of crisis causes and crisis effects for the press is given. The links of the former republics of the SFRJ and western countries in media business are traced and some trends in the development of press in this region are delineated.

Key words: World crisis, mediamarket, Eastern Europe, the countries of former Yugoslavia, the falling of circulation, tough management, eastern capital.

Прежде чем перейти к исследованию взаимосвязи трех рассматриваемых в данной статье понятий, необходимо уточнить, что в нашем понимании существует два принципиально разных подхода к восприятию феномена «гуманизм», которые, в свою очередь, продуцируют совершенно разные его значения. Поэтому в избегании логической несогласованности проводимого анализа следует первоначально провести разграничение, указав «узкое» и «широкое» значение этого термина.

Гуманизм в «узком» значении неразрывно связан с конкретным историческим временем, географическим ареалом и активизацией сложнейших, зачастую противоречивых процессов, характеризующих кризис специфической мировоззренческой парадигмы, доминирующей на тот

момент в европейском сознании. В этом свете он является победоносным оружием антропоцентризма, прогрессивным течением эпохи Возрождения, проникшим первоначально в Италию и провозглашающим принцип свободного развития личности, освобождение ее от оков феодализма и католицизма, проявившим повышенный интерес к классической древности. «Широкий» подход предполагает взгляд на гуманизм через его фундаментальное смысловое основание, принцип, на котором строятся все его теоретические и практические конструкты – «ценность человека». Специфика нашего восприятия этого основания позволяет несоизмеримо расширить границы представленного ранее подхода, преодолеть хронологическую и мировоззренческую ограниченность за счет восприятия гуманизма как уникального процесса, истоки которого исходят отнюдь не из мировоззренческого

противостояния теоцентризма и антропоцентризма. Согласно данной позиции, абсолютная ценность человека не может быть признана в качестве статичной данности. Иначе мы были бы вынуждены соответственно объявить ценность всех без исключения проявлений человеческой жизни и деятельности. Весьма показательна в этом русле критика представителей экзистенциальной философии, направленная на сущность «классического гуманизма». Так Ж.-П. Сартр развенчивает возможность взгляда на человека как на цель (а не средство) и высшую ценность: «Нельзя признать, чтобы о человеке мог судить человек» и нельзя рассматривать «человека как цель, так как человек не завершен» [1, 342]. В противном случае может возникнуть культ идеально завершенного человечества, об отрицательных последствиях которого свидетельствуют фашизм и коммунизм, едва не уничтоживших человечество в XX столетии [1, 343]. Для гуманизма в его «узком» понимании, человеческое существо в своей «полноте» и сложности является образцом. Такая трактовка позволяет переиначе античную схему взаимоотношений с окружающим бытием. Благодаря провозглашенному самим же человеком статусу «эталона» теперь он больше не стремится достичь гармоничного состояния с реальностью посредством включенности в процессы единого Космоса. Напротив, его задачей становится создание принципиально новых, ранее не существовавших взаимоотношений, перестраивающих все и вся на основании уверенности в то, что именно внешняя среда является источником человеческой несовершенности и, впоследствии социальных и индивидуальных проблем. Не трудно заметить, что современный кризис человечества вызван утверждением логики антропоцентризма, получившей свое логическое завершение в идеях эгоцентризма. Изначальное стремление к укреплению значимости единичного человека в качестве творческого источника трансформировалась в желание утвердить ценность человека посредством освобождения его от всех ограничительных рамок, что привело к иллюзии вседозволенности, ведущей к саморазрушению, потере собственной человеческой сущности и разбалансировки отношения между человеком и социумом, человеком и природой.

Фундаментальным отличием «широкого гуманизма» является осознание того факта, что человек неминуемо является объектом собственных преобразований, а реализация идей гуманизма сама по себе — это не подтверждение его совершенства, но доказательство наличия в сущности человека черт, находящихся в состоянии антагонистической борьбы с принципами, непосредственно отстаиваемыми гуманизмом:

«Если привести гуманизм в соответствие с действительностью, он перестанет быть гуманизмом, ибо последняя антигуманна... Только человек может сделать ее таковой. При этом человек не может добавить гуманность в действительность, привнес ее извне. Он сам есть действительность, часть ее, он слит, неразделим с нею... Изменяя, очеловечивая действительность, человек тем самым изменяет, очеловечивает и себя, а, очеловечивая себя, очеловечивает и действительность. Таким образом, пути очеловечивания действительности и человека совпадают, они не просто тождественны, а сливаются в единый процесс гуманизации бытия человека» [2].

Таким образом, гуманизм — это результат противопоставления человека самому себе в пользу реализации себя лучшего, это борьба за новое, более совершенное состояние, что при этом отражает и трансформацию связи человека с окружающим миром. Человек способен и на добро, и на зло. У него весьма широкий диапазон качеств и способностей — от самых благородных и прекрасных до самых темных и низменных. В связи с этим знаменитый французский скептик XVI в. Мишель Монтень (1533-1592) обращает внимание на величайшую трудность для тех, кто занимается изучением человеческих поступков: «Обычно наши действия так резко противоречат друг другу, что кажется невероятным, чтобы они исходили из одного источника. В жизни мы колеблемся между различными планами: в наших желаниях никогда нет постоянства, нет свободы, нет ничего безусловного. Мы все лишены цельности и состоим из отдельных клочков, каждый из которых в каждый данный момент играет свою роль. Настолько многообразно и пестро наше внутреннее строение, что в разные моменты мы не меньше отличаемся от себя самих, чем от других» [3, 259]. Гуманизм — это свобода человека от предзаданности, вектор развития, накладывающий табу на проявления целого спектра человеческих качеств и способов самоактуализации. Парадоксально, но данная ситуация означает ограничение во имя доказательства своей свободы, так как «... вполне очевидна и область антигуманного в человеке. Все живое в природе испытывает соперничество, и, возможно, поэтому по самой природе человеку присущи такие негативные качества, способности и состояния, как ненависть, враждебность, злопамятство, мстительность, агрессивность, насилие, жестокость, издевательство, недоброжелательность, нетерпимость, фанатизм, одержимость, предательство, вероломство, лицемерие, лесть, лживость, хвастовство, зависть, ревность, подозрительность, вороватость, эгоизм, безответственность, угрюмость, уныние, равнодушие, инфантилизм, покорность. Общей

чертой этих способностей человека является их разрушительность. Они наносят ущерб как тем, на кого они направлены, так и самим носителям этих качеств» [4, 95-96].

Необходимо принять ситуацию такой, какая она есть. Человек – не ангел, и как существо земное, плотское он не может не наносить вреда другим жизням. Однако человек может осознанно следовать в своих действиях минимизации вреда, сопряженного с его существованием и деятельностью. Как пишет А. Швейцер, «там, где я наношу какой-либо жизни, я должен ясно осознавать, насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, – даже самого незначительного. Крестьянин, скосивший на лугу тысячу цветков для корма своей корове, не должен ради забавы, сминать цветок, растущий на обочине дороги, так как в этом случае он совершит преступление против жизни, неоправданное никакой необходимостью» [5, 223]. В мире, где жизнеутверждение неразрывно переплетено с жизнеотрицанием, нравственный человек должен осознанно выбрать конструктивную ориентацию поведения. «Любое принижение и уничтожение жизни, хотим ли мы этого или нет, на подсознательном, интуитивном уровне воспринимается нами как зло»

[6, 15]. Причем, зло остается злом даже если оно неизбежно. Поэтому человек обречен жить с нечистой совестью.

М. Хайдеггер в известном «Письме о гуманизме» (1947) заявил, что «гуманизм» означает теперь, если только мы решимся сохранить это слово, только одно: существо человека существенно для истины бытия». В этом гуманизме, мыслящем «человечность человека из близости к бытию», во главу угла поставлено «историческое существо человека с его истоком в истине бытия». Иначе говоря, гуманность есть то, по поводу чего обеспокоен гуманизм. И сколько бы версий гуманизма ни существовало, к нему в его «историографическом» понимании всегда относится, как считал Хайдеггер, культивирование «человечности», т.е. гуманности [7, 208].

В философии гуманность – «(от лат. *humanus* – человеческий) проникновение любовью к человеку, уважение к человеческой личности; человечность, человеколюбие» [8, 272]. На быденном уровне гуманность отображает готовность помогать другим людям, оказывать уважение, проявлять заботу, соучастие, без которых невозможно существование человеческого рода. В связи с этим, она является первичным понятием по отношению к «гуманизму», хотя последнее представляется гораздо шире первого. Таким образом, гуманность можно определить как некое состояние человека, совокупность нравственно-

психологических свойств личности, выражающих осознанное и сопереживаемое отношение к человеку (себе и иному) как к высшей ценности в смысле потенциально бесконечного источника самореализации в контексте конструктивной направленности.

В большинстве исследований, посвященных изучению гуманности, данный термин не отличается от «человечности», смыслы этих понятий сливаются, отождествляются. На наш взгляд, указанная синонимичность оправдана, однако, с уточнением одного весомого аспекта: человечность отличается от гуманности в том плане, что она осуществляется на бессознательном, стихийно-чувственном уровне; гуманность же содержит в себе момент рационализации в том плане, что подразумевает сравнение, противопоставление, соотношение с подобным действием, осуществленным ранее, либо непосредственно субъектом действия, либо иными лицами. Человечность – это «первый благородный порыв», прекрасный и чистый от любых примесей субъективизма (включая и полученный им ранее опыт), принадлежащего лицу его осуществляющего в жизнь. Гуманность же – осознанная самоактуализация, направляющая человечность, учитывающая факторы сложившейся ситуации. Так, например, человечность побуждает нас при виде нищего совершить подаяние, однако, осуществив данный поступок несколько раз и увидев, что наше действие только усугубляет положение, мы осознаем – человечность следует «применять» разумно, выбирая способы, методы и векторы ее применения. Гуманность, таким образом, это осознанная, осмысленная, если можно так выразиться, «зрячая» человечность.

В связи с этим, положение гуманности можно обозначить как срединную позицию между традицией, выраженной в форме нормы поведения, и «биением жизни», ситуативность и непредсказуемость которой не подлежит логически законченному восприятию. Соответственно, под этим углом зрения гуманизм выступает в качестве фиксируемой с помощью ценностей, доминирующих в конкретном обществе, формы организации гуманности, некой поведенческой модели, осуществляющей автоматичность применения человечности в типичных ситуациях и базирующаяся на систематическом осознании естественных требований гуманности.

Если гуманизм – это совокупность определенных взглядов на мир, то гуманность в своей неразрывной связи с человечностью является основополагающим фактором, источником, дающим ему начало в качестве некой системы координат мировосприятия. При этом важно отметить, что отношение человека к действительности, осно-

ванное на принципах гуманизма, содержит не только оценку мира как объективной реальности, но и осознание своего места в нем. Следовательно, в конкретной форме гуманизма находят свое выражение многообразные отношения к человеку, к обществу, к духовным ценностям, к деятельности, т.е., по сути, ко всему миру в целом. Поэтому гуманность не может восприниматься в качестве простой черты личности, отдельного свойства или отличительной особенности. Представляется правомерным рассматривать ее как некое состояние, качество, включающее в себя комплекс свойств человека, выражающих бережное отношение к самому себе и себе подобному. Принцип абсолютной ценности человека, исходя из этого, выходит за границы конкретного Я, становясь основанием для социальных взаимоотношений: «...человек, постигающий себя через cogito, непосредственно обнаруживает вместе с тем и всех других, и притом — как условие собственного существования... Чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования так же, впрочем, как и для моего самопознания». Именно благодаря этому качеству мышления человек «подымается над плоскостью сугубо материального существования — начинает ощущать ценность идеального, т.е. не приносящего индивидуальной выгоды». Чтобы идеальное стало ценностью, необходим «другой», необходимо общение с ним — именно осмысленное общение с «другим» открывает для единичного возможность принять идеальное в качестве ценности [1, 336].

Характер взаимосвязи между гуманизмом и гуманностью можно соотнести по аналогии с отношениями этики и нравственности, проявляющейся в одновременном единстве и противоречии: «Понятие морального права не тождественно с ходячим понятием нравственного права. Под последним подразумевается ... субъективный интерес, преследование которого разрешается нормами морали...» [9, 51]. Гуманность — это глубоко индивидуальное состояние, предполагающее высокий уровень интеллектуально-эмоционального напряжения в связи с сопровождающей ее ответственностью за верное «применение» человечности. Любое побуждение, влияющее извне на внутренний мир, в виде нормы или закона, с одной стороны, освобождает человека от колоссального давления самокритики, позволяя сослаться на авторитет, но с другой стороны, таит в себе угрозу реализации шаблонного поведения, полностью не учитывающего «положения вещей» в конкретной ситуации. Все это раскрывает суть одного из важнейших парадоксов гуманизации: нельзя сделать человека истинно добрым или любящим извне, нельзя сформировать у него гуманистические

убеждения. Только изнутри могут образоваться условия, в которых человек сам придет к этим убеждениям, свободно выберет их.

Более того, гуманный поступок или отношение к кому-либо сами по себе не являются гарантиями реализации гуманности человеком в будущем. Гуманность — это действие вопреки, преодоление себя, осознанный выбор при наличии вариативности в ходе самореализации. Следовательно, либо неосознанная ошибка человека, либо намеренное его действие может привести к антигуманному результату. Против данной возможности и выступает гуманизм, создавая сферу ограничения, нормируя применения гуманности.

Если гуманность — это движение от индивидуального восприятия к миру, и ее призывом могли бы стать слова: «изменив себя, изменю и взаимоотношение с окружающим», то гуманизм, напротив, — стремление от некоей гипотетической модели, предполагающей гуманность как стабильное состояние, к уникальному «Я». Он как бы заглядывает в будущее, и, являясь гарантом, запрещающим проявление антигуманного, указывает «верное русло» для динамичной гуманности: «Главным в гуманизме является его приверженность всеохватывающей этике с ее акцентом на общественную жизнь и ответственность индивида за его действия» [10, 8-9].

В предвосхищении результата, гуманизм стремится создать максимально комфортные условия развития гуманности для конкретного человека, социума, тем самым навязывая искусственные рамки для ее же проявления. «Гуманность и гуманизм соотносятся как предпосылка и результат, как дитя и сторож. Гуманизм защищает человека от самого человека, как он предоставлен в природе, обществе или в другом человеке. Гуманизм — это воин, готовый сокрушить все нечеловеческое в человеке и вокруг него». Самое удивительное, что в этом своем страстном «порыве воина» гуманизм порой забывает о том, что он собственно защищает, о своей гуманности [11, 33].

Выполняя охранительную функцию, гуманизм неизбежно сталкивается с необходимостью применения ограничений, «доулавливая гуманность с помощью подручных средств — религии, философии, искусства, науки, морали — культуры в широком смысле слова. Вот почему гуманизм является устремленностью к чему-то большему, чем человеческая данность, которая сама по себе слишком хрупка и непрочна, а может быть и несовершенна, чтобы ее можно было оставить в неприкосновенности» [11, 33]. В этом смысле для гуманизма человек в его данности — это еще только предпосылка подлинного человека, т.е. человека, защищенного от действий вне сферы гуманного. «Сверхчеловек», ... не есть некое реальное суще-

ство или реальная порода людей, которая... выше других, а есть некое предельное для человека состояние, лишь устремляясь к которому человек может стать человеком» [12, 146]. Таким образом, главное в гуманистическом дискурсе – принципиальная энергетическая неуспокоенность человека, его недовольство собой, тяга к «высшему», которую он может в себе продуцировать. В связи с этим, гуманизм необходимо рассматривать как процесс, динамика которого, с одной стороны, следует за динамикой гуманности, а с другой – ее ограничивает. В глобальном масштабе верен первый вариант. Гуманизм, в данном контексте проявляется как терпимость, компромиссный этический минимум: «Признание каждым индивидом общих всем простым ценностей жизни и, постольку, добрососедства в качестве если не высших для себя, то непреложных в отношении к другим. ... Но этика, по природе своей, есть дело совести и потому – требование не минимума, а максимума. Что до этического максимума гуманизма, то это – максимум той же терпимости: сострадательность ко всякому, вопреки всяким возможным различиям, разногласиям, верам. Это и безусловное предпочтение духа моральных правил, сострадательности ко всякому, их букве, самим правилам – отрицание всякого формализма, фарисейства» [13, 119]. В общем, этика гуманизма, весь ее максимум – человечность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.П. Сартр. – М.: 1989. – 417 с.

2. Конашев М. О гуманизме и действительности / М. Конашев // Санкт-Петербургское отделение Российского гуманистического общества. – (<http://humanism.al.ru/ru/articles.shtml?num>).

3. Монтень М. Опыты / Мишель де Монтень; [пер с франц.]. – М.: Эксмо, 2006. – 512 с.

4. Борзенко И.М. Человечность человека : основы современного гуманизма : учеб. пособие для вузов. – изд. 2-е, испр. и доп. / И.М. Борзенко, В.А. Кувакин, А.А. Кудишина; под ред. А.Г. Круглова и В.А. Кувакина. – М.: Рос. Гуманист. о-во, 2005. – 390 с.

5. Швейцер А. Благоговение перед жизнью : Пер. с нем. / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1992. – 574 с.

6. Рыбин В.А. Гуманизм как этическая категория / В.А. Рыбин. – М.: – Логос, 2004. – 272 с.

7. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. Проблема человека в западной философии. Сборник переводов / М. Хайдеггер. – М.: Прогресс, 1988. – 338 с.

8. История философии : Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. – 1376 с.

9. Франк С.Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему». Сочинения / С.Л. Франк. – М., 1990. – 211 с.

10. Bondi H. Foreword // Fowler, J Humanism : Believes and Practices / Brighton –Portland : Sussex Academic Press. – 1999. – p. 348.

11. Жукоцкий В.Д. Основы современного гуманизма : Российский контекст : учеб. пособие. – 2-е изд., доп. / В.Д. Жукоцкий. – М.: РГО, 2006. – 518 с.

12. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М.: [Избр. работы]. – 2-е изд., измен. и доп. – М., 1992. – 433 с.

13. Круглов А.Г. Словарь : Психология и характеристология понятий («А-И») / А.Г. Круглов. – М.: Гнозис, 2000. – 380 с.

*Петрихин А.В.
Воронежский государственный технический университет.
Аспирант кафедры философии, специальность – социальная философия.
e-mail: petrihin85@mail.ru*

*Petrihin A.V.
Post-graduate student Faculty of Natured and Humanic sciences. I have been studying social philosophy.*